

УДК 398 (=945.32)

DOI: 10.28995/2658-5294-2023-6-4-80-92

От событий языка к языку событий

Анатолий В. Панюков

Коми научный центр Уральского отделения РАН,

Сыктывкар, Россия; arankomisc@mail.ru

Аннотация. В статье представлена предыстория появления авторской концепции самосборки сюжета. Близость языка демонологических рассказов к разговорному языку требует особого внимания к тексту, к его языковой семантике. Обоснованный автором лингвосемантический подход к анализу текстов продемонстрирован на примере концепта *водить воду*, широко представленного в мифологических рассказах. Было обнаружено множество предикативных соединений, реализующих смысловые переходы между двумя лексико-семантическими гнездами. Показано, что анализируемые нарративы построены на актуализации внутриязыковых, потенциальных предикаций («события языка») в предикативные синтагмы – мифологические мотивы («язык событий»). Поиск ответа на вопрос, как возникающие в языке взаимодействия между разными уровнями языковой системы (внутриязыковые предикации между вторичными и первичными значениями слов, между буквальными и метафорическими значениями идиоматических выражений и т. п.) преобразуются в текстостроительные конструкторы, привел к появлению концепции самосборки сюжета.

Ключевые слова: демонологический нарратив, сюжет, мотив, структура, поэтика текста, языковая предикация, самосборка

Для цитирования: Панюков А.В. От событий языка к языку событий // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2023. Т. 6. № 4. С. 80–92. DOI: 10.28995/2658-5294-2023-6-4-80-92

From language events to event language

Anatoly V. Panyukov

*Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Syktyvkar, Russia, apankomisc@mail.ru*

Abstract. The article presents the background of the author's concept of self-assembly of the plot. The proximity of the language of demonological stories to the spoken language requires special attention to the text, to its linguistic semantics. The linguosemantic approach to the analysis of texts, which was justified by the author, is demonstrated by the example of the concept of "to lead the water", widely represented in mythological stories. A lot of predicative compounds were found that implement semantic transitions between two lexico-semantic nests. It is shown that the analyzed narratives are based on the actualization of intra-linguistic, potential predications ("language events") into predicative syntagmas-mythological motifs ("language of events"). The search for an answer to the question of how interactions arising in the language between different levels of the language system (intra-language predications between secondary and primary meanings of words, between literal and metaphorical meanings of idiomatic expressions, etc.) are transformed into text-building constructs led to the emergence of the concept of self-assembly of the plot.

Keywords: demonological narrative, plot, motive, structure, poetics of text, linguistic predication, self-assembly

For citation: Panyukov, A.V. (2023), "From language events to event language", *Folklore: Structure, Typology, Semiotics*, vol. 6, no. 4, pp. 80–92, DOI: 10.28995/2658-5294-2023-6-4-80-92

В данной статье мы хотели бы подвести некоторые итоги нашим размышлениям над вопросом: как рождаются фольклорные сюжеты? Введенный в свое время термин «поздний мифологический текст» по определению предполагал, что нужно выявить границу между архаичным и современным фольклорно-языковым сознанием. Для того чтобы говорить о роли так называемых поздних мифологических текстов в функционировании «поздней» фольклорно-языковой системы, необходимо реконструировать «порождающие» механизмы, соответствующие языковому сознанию носителей традиции. Так родилась первая концепция, построенная на осознании лингвокреативных возможностей самой языковой системы.

Вначале мы обратили внимание на то, что в демонологических сюжетах достаточно часто обыгрываются парадигматические

связи языковой системы: связи между метафорическим и буквальным значениями слов, идиом, фоносмысловые связи слов и т. д. Например, *голый* (не имеющий ничего, нищий) – *голый* (нагой): демон в образе огромного голого человека является перед пожаром, после которого осталось много «голых», потерявших в пожаре все имущество людей: «Парню молодому манило: нагой человек стоит, выше бани. Он стал отговариваться, он захохотал пошел. Вот перед пожаром ему поманило – голый мужик. Все голые остались, все голые. Это мама рассказывала» [Панюков 2006, с. 87]. Или пример реализации фразеологизма *напиться до поросячьего визга* с появлением домового в образе чмокающего поросячьего носа: «С моим дядькой так было. Лег он вместе с сыном спать. А сыну было лет десять. Сыну не спалось. Он открыл глаза и увидел как бы поросячий нос. И он так чмокает, как поросенок. И лезет к нему, а он к отцу под бок. И накрылся одеялом со страху. Потом дядька мой до поросячьего визгу напился. У него вытащили часы и зарплату. Потом моей тетке объяснили: это не к добру, когда видишь домового явно»¹.

В ходе размышления над такими фактами и возникла концепция «этимологической мифопоэтики», объясняющая механизм сюжетостроения. Мы представили ее на примере языкового концепта *водить воду* [Панюков 2004], достаточно широко реализованного в мифологических повествованиях, но никак не отраженного в исследованиях быличек. В русле идей о предикативной сущности языка речь может идти о внутриязыковых (виртуальных, потенциальных) предикациях, возникающих в ходе «осмысления» языком происходящих в нем процессов, имеющих «смысл», но не имеющих коммуникативной направленности. Наложение двух лексико-семантических гнезд с номинативами *водá* и *водá* порождает множество подобных предикативных «связок»: *водить воду* (перемещать воду) – *вóдить воду* (делать ее водяной, менять качество воды); *увóдить* (увести куда-либо) – *увóдить* (утопить, погрузить в воду); *идти за водóй* – *идти за водóй* и т. д. Любая из этих виртуальных предикаций («событий языка») может актуализироваться – стать актуальной коммуникативной синтагмой – мифологическим мотивом («языком событий») при возникновении подходящего контекста. В «обыденной» действительности используется только часть потенциальных возможностей языка, и подобные языковые предикативные «связки» жестко ограничены контекстом или выведены за пределы обыденности. Наиболее ярко это отражено в сюжетах с мотивом *идти за*

¹ Правдивые рассказы о полтергейсте и прочей нежити на овине, в избе и бане / Сост. К. Шумов, Н. Преженцева. Пермь: Янус, 1993. С. 57.

водбй. В силу соотнесенности с семей «движение» и двойственной семантики конструкта «идти за чем / кем» исходное *идти за водбй* ассоциативно всегда связано с *идти за вбдой*. Не случайно в русском разговорном языке бытовали две формы: *идти по воду* и *идти за водой*; последняя осмыслялась как «идти за уходящей водой» и была связана с мифологемой пути: «Бабка, короче одна (это еще было до революции дело), она пошла за водой, по воду, то есть: за водой-то далеко можно уйти. Они две бабки пошли...»². Далее по сюжету они попадают к озеру, в котором *водятся водяные*, которые пытаются их утопить – *увбдить*. Мы обнаружили обширный список сюжетов, структуру которых можно выразить различными комбинациями таких предикативных «связок» (ранее мы их не очень удачно определяли как «сигнификативные схемы», противопоставляя денотативному, материальному миру). Приведем один из показательных примеров:

А после заката уж. Мы домой идем, а я частушки пою, девушкой – молода была. А за рекой так длинно, дли-и-инно, очень длинно так запело. И так запело, песни не знает, а даже заунывые берё. И еще пуще. А мама мне и говорит моя:

– Замолчи!

– Что тебе, жалко? Крещены песни поют, а ты жалеешь петь.

– Я говорю, замолчи.

– Ну, мама, вот уж я не знаю.

А никого ведь близко нет, никого, все дома, в деревне, за десять километров. А батюшко удит, покойный родитель. Я еще попела, мама у меня строго глазами мне:

– Я тебе говорю, что замолчи.

– Мама, а кто поет это?

– Замолчи.

– А, мама, скажи, кто поет?

– Я тебе говорю, замолчи.

Я забоялась. Там еще маленько попело. Я замолчала – и затихло.

Батюшко приходит:

– Где заводим сено?

А мама – та и говорит:

– Тут слышали байканьё, тут лешего водительство есть, тут, – говорит, – байканьё и плач ребячий слышали, тут жительство есть за рекой. Ну, ему нужна река, промежка.

Да я забоялась, на дороге стою, дак не смею, что леший унесё. И припустили. Да что делать...

² Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири / Сост. В.П. Зинovieв. Новосибирск: Наука, 1987. С. 53.

Пришли, надо ночевать там. За водой идти – не смею и в хате оставаться не смею – леший унесет. И болей никого не видала, вот только слыхала³.

С точки зрения языка этот текст представляет собой цепь актуализированных предикативных синтагм, почти не подвергнувшихся художественному (авторскому) переосмыслению: *заводить заводную* песню («частушки») – *за водой* – *заводить заводную* («очень длинно так запело») – *водиться в воде* («батюшко удит») – *за водой заводить* («заводим сено») – *за водой* «лешего водительство» – *за водой водятся с ребенком* («байканье и плач ребячий слыхали») – *вода (река* – «промежка») – *идти за водой* («за водой идти – не смею») – *уводить за воду* («леший унесет»). Коммуникативным «аттрактором», вероятно, послужила коммуникативная ситуация «за водой – заводят».

Представленные в виде таких семантических комплексов мифологические тексты демонстрируют креативные моменты наррации: отталкиваясь от тех семантических ассоциаций, которые возникают в результате соотнесения языковых смыслов с коммуникативной реальностью, с контекстом, язык реализует свои внутриязыковые потенции, свои парадигматические возможности в виде определенных предикативных связок. Заложенные в этих языковых предикациях смыслы противопоставляются исходному речевому значению как «другая» реальность, которая, в соответствии с традицией, получает мифопоэтическое наполнение. Эти семантические «связки» («события языка») и могут быть определены как с о б ы т и е в концепции художественного текста Ю.М. Лотмана [Лотман 1970, с. 282], поскольку отражают необходимый для этого компонента событийного сюжета п е р е х о д ч е р е з с е м а н т и ч е с к у ю г р а н и ц у. При этом речь может идти как о границе мифологического / реального (что тоже сохраняется, поскольку одна часть соотносится с м и ф о л о г и ч е с к и м, другая – с р е а л ь н ы м), так и о переходе на другой языковой уровень.

Рассмотренное наложение *вода – водить* – всего лишь одна точка приложения креативных возможностей языковой системы, поскольку два плана интерпретации можно обнаружить на всех уровнях языка, будь то взаимосвязь первичных и вторичных, метафорических значений или переносного и буквального смыслов слова/словосочетания и т. д. Так, в русле предикационной концепции В.А. Курдюмова язык – не что иное, как совокупность подобных

³ Легенды. Предания. Бывальщины / Сост. Н.А. Криничная. М.: Современник, 1989. С. 184–185.

предикационных цепей, пронизывающих все его многомерное пространство [Курдюмов 1999], т. е. в идеале подобной актуализации могут быть подвергнуты все уровни языковой системы.

Дальнейшие размышления над вопросом, как выявленные предикативные «связки» разворачиваются в сюжет, привели нас к обоснованию концепции самосборки сюжета [Панюков 2013; Панюков 2016]. Для того чтобы представить логику движения наших рассуждений, остановимся на некоторых пунктах ранее проведенного анализа текста былички.

Лошадка у нас была. Стучал кто-то ночью долго в дому, нам спать не давал. Колотил и колотил всю ночь. Утром мама встала, помелом постучала, положила творогу в дырку и говорила: «Батюшко милостливый, какое ты нам горе принес? Какую беду принес?» Он еще три раза постукал. Федя поехал, лошадь помчалась аж по всему Соликамскому тракту, добежала до поленицы у завода и пала. А тут татары работали, побежали и давай стучать по ушам. Федька добежал, а лошадь уже мертвая была. Сдал он ее на мыло⁴.

Интерпретация 1. Быличка – актуализированная демонология. Мифологический рассказ имеет традиционную мотивировку: домовый предсказывает несчастье. При более внимательном разборе мы увидим, что этот элементарный с точки зрения поэтики сюжет в «Указателе сюжетов русских быличек и бывальщин о мифологических персонажах» оказывается разорванным на несколько мотивов: БІ 9б «Домовой предсказывает будущее: показывается или воеет перед несчастьем» – но здесь нет «стучит»; БІ 5г «Домовой ночью в доме: “шалит”»⁵. Кроме этого, сюжет осложнен еще и устойчивой семантической связью *стук – гроб – смерть* и не менее устойчивыми для современной демонологии представлениями о полтергейсте или *барабашке* (от слова *барабашить* – термин, принятый в нашей стране как обозначение полтергейстных явлений).

Таким образом, при сюжетно-тематическом подходе сюжет данной былички можно представить как «сложносочиненную» конструкцию из нескольких мифологических «заготовок»:

- 1) БІ 5г «Домовой ночью в доме: “шалит”»;
- 2) БІ 9 «Домовой предсказывает будущее»;

⁴ Правдивые рассказы о полтергейсте и прочей нежити... С. 64.

⁵ Айвазян С., Якимова О. Указатель сюжетов русских быличек и бывальщин о мифологических персонажах // Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика. URL: <https://ruthenia.ru/folklore/ayvazan1.htm#8> (дата обращения 21 авг. 2023).

3) традиционные гадания на будущее с акустической семантикой *стук* – (*сколачивание гроба*) – *смерть*;

4) не менее устойчивые для современной демонологии представления о полтергейсте и/или о барабашке;

5) включенное в фабулу описание окказионального обряда «вызывания домового», в свою очередь, скомпонованного из обрядового угощения домового, мотивов диалога с домовым и стучащим духом – барабашкой.

Интерпретация 2. Лингвосемантический подход. Несмотря на то что анализ собственно содержания уже предполагает несколько вариантов «расшифровки» сюжета, лингвосемантический подход позволяет вычленивать из текста ту конкретную деталь, которая послужила ключом к реализации устойчивого мифологического мотива. Мы выделили два фрагмента: мифологический интекст (*кто-то стучал и не давал спать*) и его контекстуальный «двойник» (*татары «давай стучать по ушам» мертвой лошади*), которые в таком виде текстуально связаны между собой. На уровне логической структуры с у б ъ е к т – д е й с т в и е – о б ъ е к т они идентичны. На «языке» интекста контекст можно выразить так: *татары будят стуком спящую мертвым сном лошадь*; и наоборот – *мифологический персонаж (МП) стучит так, что «мертвого разбудит»*. Соответственно, буквальное значение идиом *стучать/бить в уши/по ушам* (сильный источник звука оказывает неприятное воздействие на слух человека) и *мертвого разбудить* (издавать такой назойливый звук, громкий шум, от которого нельзя не проснуться) и реализуется как истинный смысл мифологического события – последующего, «предсказанного» несчастья, когда татары *стали стучать по ушам*, чтобы поднять, *разбудить мертвую лошадь*.

Далее мы обнаруживаем еще один «ключ», поскольку именно в пермском диалекте русского языка (т. е. там, где была записана эта быличка) зафиксирован фразеологизм *татара (молотят) в голове*. Этот фразеологизм метафорически обозначает головкружение, головную боль, тяжесть: «Сёдни я ничё не скажу, у меня татара молотят в голове» [Сироткина 2007]. Для наших рассуждений важно, что эта метафора построена на том, что этноним *тата-ра* в русском языке имеет звукосемантическую связь с образами стука: *та-та-та*. Таким образом, перед нами открывается еще одна структурная связка между инициальной и финальной ситуациями: *домовой стучит* – *татара молотят в голове* – татары стучат по голове павшей лошади.

А далее приходит понимание, что эта связка «сработала», когда появился *барабашка* – в контексте «событий языка» – неологизм, включенный в систему существовавших лексико-семантических

отношений. Сообщение об «отечественном полтергейсте», облетевшее всю страну, было опубликовано в газете «Труд»⁶ за 5 октября 1988 г. Речь шла о невидимом духе, появившемся в одном из московских общежитий и названном *барабашкой*. Обнаружил он себя стуком. Девушки наладили с ним контакт, условившись, что один стук означает «да», а два стука – «нет». Встреча с этими девушками состоялась в новогоднем (1 января 1989 г.) выпуске передачи «Очевидное – невероятное»⁷, причем в ней принимал участие и невидимый *барабашка*. На этот раз стук *барабашки* слышали миллионы телезрителей. Этот выпуск передачи повторялся в телеэфире еще два раза, после чего публикации о феномене *барабашки* прошли волной по многим газетам. В дальнейшем *барабашка* исчез из поля зрения журналистов, однако само имя осталось за названием феномена, означающего наш, отечественный полтергейст. Анализируемый текст был опубликован в 1991 г., точную дату записи нам пока не удалось выяснить. О явных аналогиях с образом *барабашки* говорит и включенный в фабулу анализируемой былички окказиональный обряд «вызывания домового»: домового вызывают стуком, ставят угощение и спрашивают, тот, как и *барабашка*, отвечает стуком, подтверждая негативный смысл своего «предсказания».

Таким образом, не выходя за рамки «внутренних», языковых аттракций, то есть «событий языка», не связанных с «мифологическими мотивами» или мифологическими «ментальными матрицами», мы можем представить основу сюжета в виде тандема ассоциативных пар, создающих оппозицию мифологическое/реальное (табл. 1).

Таблица 1

<i>Мифологическое</i>	<i>Реальное</i>
татара молотят в голове	татары стучат по голове лошади
<i>та-та-ра</i> (стучать, барабанить)	<i>Татара</i>
МП <i>бьет по ушам/бьет в уши</i> так, что мертвого разбудит	Татары <i>бьют по ушам</i> лошади, пытаясь «разбудить» мертвую лошадь

⁶ См.: Квятковский О., Могила И. Разговор с невидимкой // Труд. 1988. 5 окт. С. 3.

⁷ См.: Очевидное – невероятное: О явлении «полтергейст» (1989). 2018. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=eV3k0KYokXw&t=2367s> (дата обращения 5 сент. 2023).

Представленная в таком виде структура повествования зеркальна, только «зеркалом» оказывается не мифология, а сам язык. Две части структуры разворачиваются в нарративе как две составляющие традиционной картины мира, однако двуединство мифологического и реального вторично по отношению к комплементарности спонтанно возникших собственно языковых ассоциативно-смысловых аттракций, не имеющих отношения к мифологическим представлениям.

Концепция самосборки сюжета. Становится понятно, что язык, языковое сознание как конструктор, обеспечивающий механизмы языковой (речевой) деятельности, способно не только оперировать собственными «событиями» (здесь – внутрисистемной парадигматикой), но и складывать их в событийные связки. То есть наше языковое сознание нарративно по своему устройству и способно порождать «сюжеты». Все события языка системно пропускаются через определенную событийную матрицу, которую упрощенно можно выразить в виде трехчастной схемы: событие «до» – причинно-следственная связь – событие «после». Эта событийная матрица уже обладает определенной логической структурой, поскольку финальная субъектно-объектная триада (субъект S – действие A – объект O) формирует свое «зеркальное» (комплементарное) отображение – т. е. инициальная часть потенциально обладает подобной же субъектно-объектной «триадой», но зеркально противопоставленной ($S^{-1} - A^{-1} - O^{-1}$), как, собственно, начало и конец. Соответственно, возникают контуры некоего *а н т и с о б ы т и я с а н т и р о л я м и* (т. е. меной субъектно-объектных и качественно-количественных позиций) (табл. 2).

Таблица 2

<i>Антисобытие</i>	<i>Событие</i>
$S^{-1} - A^{-1} - O^{-1}$	$S - A - O$
? – ? – ?	? – гибель – лошадь
тема жизни	тема смерти

Упрощенно процесс сборки основной структуры можно выразить так. С о б ы т и е нарушает обыденность: неожиданная гибель лошади в дороге переживается (вероятно, неоднократно) и осмысливается нарратором, что вызывает состояние психофизиологического дискомфорта (головокружение, головную боль, тяжесть), соответствующее идиоме *татара молотят в голове*.

Далее возникает ассоциативная связка *татара – та-та-ра – стучать – барабанить – барабашка – домовый*, которая разворачивается в крупные ассоциативные блоки (ниже они обозначены угловыми скобками, курсивом отмечены метафорические сочетания в оппозиции прямым, буквальным значениям): <*татара в голове стучат* / татары стучат по голове> – <*стучать, бить в уши/ по ушам – будить мертвого* / стучать, бить по ушам – будить мертвую лошадь – татарин – лошадь> – <*бить по ушам/ бить в уши – барабанить* (бить в барабанные перепонки) – *та-та-ра* / стучать, барабанить – татара>. Именно они и заполняют пустующие позиции событийной матрицы.

Теперь вернемся к третьему необходимому для сюжета компоненту – причинно-следственной связи (ПСС) между инициальным (ИС) и финальным событиями (ФС). В данном тексте этот компонент достаточно легко вычленяется, поскольку обладает своим хронотопом (утром в доме) и своим набором «действующих лиц»: «Утром мама встала, помелом постучала, положила творогу в дырку и говорила: “Батюшко милостливый, какое ты нам горе принес? Какую беду принес?” Он еще три раза постукал».

На фоне основного мифологического события этот компонент может быть выделен как самостоятельный микросюжет. Но если попытаться спроецировать содержание этого микросюжета на ассоциативно-смысловые связи, порождающие «основную» структуру, то нетрудно заметить, что языковые ассоциации (предикации) те же самые, но здесь они «вывернуты» (негативны) и скомбинированы: *разбуженные стуком люди будят стуком стучавшего* домового, задают ему вопрос человеческим языком, на который тот утвердительно отвечает стуком. Троекратный стук может быть интерпретирован как троекратное «да». Соответственно, хронотоп ПСС «слеплен» из двух хронотопов – ИС и ФС, и противопоставлен обоим частям: время – *не день и не ночь = утро*; пространство – *не внутри и не снаружи*, в контексте семиотики дома основное событие ПСС происходит на границе мифологического и нейтрального пространств (под «дыркой», куда ставится угощение домовому, здесь может иметься в виду как отверстие в подпол, так и подпечье). Таким образом, и основа ПСС возникает из тех же внутриязыковых аттракций в результате добавления дополнительных, «диагональных стяжек» к первичным горизонтальным и вертикальным связям ИС и ФС.

Далее, уже в ходе дискурсивизации, нарративное сознание расщепляет двоичную структуру сюжета и превращает ее в линейный текст повествования.

Принципиально важно, на наш взгляд, что сконструированная нами структура сюжета весьма точно отражает принципы супрамолекулярной (надмолекулярной) самосборки «снизу вверх» (в порядке иерархического усложнения надмолекулярной структуры), лежащей в основе многих биохимических процессов. Аналогом химических нековалентных, «слабых» взаимодействий в «супрамолекулярной» интерпретации текста выступают ассоциативно-смысловые связи, возникающие в языковом сознании автора в результате аффективно-ассоциативного восприятия объектов действительности. Аналогом стерической и химической комплементарности, соответственно, является комплементарность по форме и содержанию спонтанно возникающих в ходе «осюжечивания» событий ассоциаций. Множество ассоциаций соединяют комплементарные, взаимодополняющие компоненты в двоичную структуру, которая в ходе наррации разворачивается в линейное повествование.

Литература

- Курдюмов 1999 – *Курдюмов В.А.* Идея и форма: Основы предикационной концепции языка. М.: Военный ун-т, 1999. 194 с.
- Лотман 1970 – *Лотман Ю.М.* Структура художественного текста. М.: Искусство, 1970. 384 с.
- Панюков 2004 – *Панюков А.В.* Семантические модели языкового концепта «водить воду» // *Фольклор и художественная культура: Современные методологические и технологические проблемы изучения и сохранения традиционной культуры.* М., 2004. С. 194–200. (Сохранение и возрождение фольклорных традиций; вып. 13)
- Панюков 2006 – *Панюков А.В.* К проблеме поэтики устных мифологических рассказов: лингвосемантический подход // *Славянская традиционная культура и современный мир: Сборник научных статей по материалам конференции.* Вып. 9. М., 2006. С. 86–105.
- Панюков 2013 – *Панюков А.В.* Феномен самосборки в фольклоре: сюжет об убийстве князя Василия Вымского // *Семиозис и культура: интеллектуальные практики* / Науч. ред. И.Е. Фадеева, В.А. Сулимов. Сыктывкар: Коми гос. пед. ин-т, 2013. С. 199–211.
- Панюков 2016 – *Панюков А.В.* Самосборка сюжета в фольклоре // *Фольклористика Коми: Фольклорные жанры Европейского Северо-Востока России: динамика развития, трансформации, классическое наследие и современные формы.* Сыктывкар, 2016. С. 114–136. (Труды Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН; вып. 74)

Сироткина 2007 – Сироткина Т.А. Речевые маркеры этнического компонента народной культуры (на материале этнонимии Пермского края) // Традиционная культура Русского Севера: история и современность: Материалы V научной конференции по изучению народной культуры Русского Севера. Петрозаводск, 2007. URL: <https://kizhi.karelia.ru/library/gyabinin-2007/438.html> (дата обращения 10 янв. 2023).

References

- Kurdyumov, V.A. (1999), *Ideya i forma: Osnovy predikatsionoi kontseptsii yazyka* [Idea and form. Fundamentals of the predication concept of language], Voennyi universitet, Moscow, Russia.
- Lotman, Yu.M. (1970), *Struktura khudozhestvennogo teksta* [The structure of a literary text], Iskusstvo, Moscow, USSR.
- Panyukov, A.V. (2004), “Semantic models of the linguistic concept ‘to lead the water’”, in *Fol’klor i khudozhestvennaya kul’tura: Sovremennye metodologicheskie i tekhnologicheskie problemy izucheniya i sokhraneniya traditsionnoi kul’tury* [Folklore and artistic culture. Modern methodological and technological problems of studying and preserving traditional culture], Moscow, Russia, pp. 194–200. (*Sokhranenie i vrozozhdenie fol’klornykh traditsii*», vyp. 13)
- Panyukov, A.V. (2006), “To the problem of the poetics of oral mythological stories. A linguosemantic approach”, in *Slavyanskaya traditsionnaya kul’tura i sovremenniy mir: Sbornik nauchnykh statei po materialam konferentsii* [Slavic traditional culture and the modern world: Collection of scientific articles based on the materials of the conference], vol. 9, Moscow, Russia, pp. 86–105.
- Panyukov, A.V. (2013), “The phenomenon of self-assembly in folklore. The plot of the murder of Prince Vasily Vymsky”, in Fadeeva, I.E. and Sulimov, V.A., eds., *Semiozis i kul’tura: intellektual’nye praktiki* [Semiosis and culture. Intellectual practices], Komi gosudarstvennyi pedagogicheskii institut, Syktyvkar, Russia, pp. 199–211.
- Panyukov, A.V. (2016), “Self-assembly of the plot in folklore”, in *Fol’kloristika Komi: Fol’klornye zhanry Evropeiskogo Severo-Vostoka Rossii: dinamika razvitiya, transformatsii, klassicheskoe nasledie i sovremennye formy* [Komi folkloristics. Folklore genres of the European North-East of Russia. Dynamics of development, transformation, classical heritage and modern forms], Syktyvkar, Russia, pp. 114–136. (*Trudy Instituta yazyka, literatury i istorii Komi NC UrO RAN*; vyp. 74)
- Sirotkina, T.A. (2007), “Speech markers of the ethnic component of folk culture (based on the ethnonymy of the Perm Region)”, in *Traditsionnaya kul’tura Russkogo Severa: istoriya i sovremennost’*. *Materialy V nauchnoi*

konferentsii po izucheniyu narodnoi kul'tury Russkogo Severa [Traditional culture of the Russian North. History and modernity. Proceeding of the 5th Scientific Conference on the study of Folk Culture of the Russian North], Petrozavodsk, Russia, available at: <https://kizhi.karelia.ru/library/ryabinin-2007/438.html> (Accessed 10 Jan. 2023).

Информация об авторе

Анатолий В. Панюков, кандидат филологических наук, доцент, Коми научный центр Уральского отделения РАН, Сыктывкар, Россия; 167982, Россия, Республика Коми, Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; apankomisc@mail.ru

Information about the author

Anatoly V. Panyukov, Cand. of Sci. (Philology), associate professor, Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Syktyvkar, Russia; 26, Kommunisticheskaya St., Syktyvkar, Komi Republic, Russia, 167982; apankomisc@mail.ru